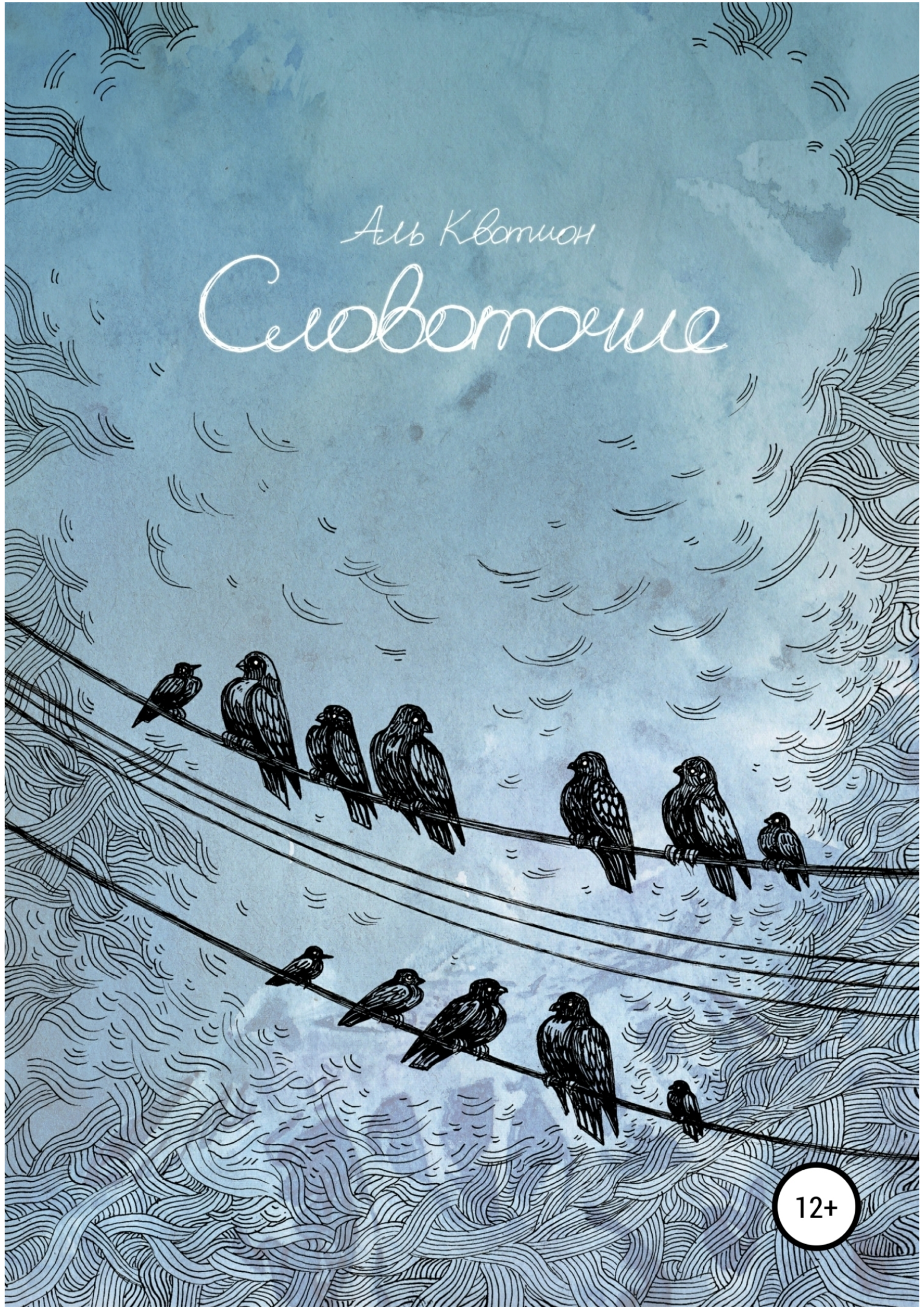

Аль Квотсон
Светоме

12+

Аль Квотион
Словоточие

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Квотион А.

Словоточие / А. Квотион — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-94445-9

«Словоточие» представляет собой сборник стихов, охватывающих различные темы: пылкой и пламенной любви, радости и боли, жизненных уроков. Стихов, повествующих о создании прочных и страстных отношений и их разрыве, о стремительном развитии и крушении надежды и веры, о рациональных философских рассуждениях и метафизических чувственных переживаниях, о проявлениях личностной силы и выражении глубокой слабости. Эти произведения читаются как абстрактные истории, обнажающие душу поэта. Нечасто можно столкнуться с работами, в которых человек настолько прозрачно и бесстрашно раскрывает всего себя. Стихи связаны с различными жизненными ситуациями и переживаниями, маленькими или большими, которые оставили след в душе автора и сделали его тем, кто он есть.

ISBN 978-5-532-94445-9

© Квотион А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

«Я открыл приют для голодных птиц...»	6
«И вроде жизнь еще не кончилась...»	7
«Ты знаешь вопрос «зачем», ты искал ответа...»	9
«Ты смотришь в эти буквы беглые...»	10
«Соври, что завтра будет лучше...»	11
«Теперь скажи мне, что ты видишь...»	12
«Все хорошо. Привет-пока...»	13
«Шагая по стеклам разбитых прелюдий...»	14
«Что ты можешь сказать мне нового...»	15
«Ничего не пугайся и держи меня в холоде...»	16
«Странная женщина: тонкая, тихая...»	17
«Скажи этим людям о том, что ты знаешь истину...»	18
«Проснешься: кофе, новости, мигрень...»	19
«Все люди – мое отчество и певчество...»	20
«Она бежит по снегу в легком платье...»	21
«Здесь пахнут сиренью и верою...»	22
«Уйдешь. А что оставишь нам...»	23
«Писать, пожалуй, можно обо всем...»	24
«Дыши, дыши, страдай и властвуй...»	25
«В его сердце дыра. Прострелили, протерлась – не важно...»	26
«Ты занавес, ты реквием, ты вечер...»	27
«Во мне дымно, сумрачно, прохладно...»	28
«В голове живет ребенок, он пытается понять...»	29
«А там, за углом был рай...»	30
«Я слышу шуршание перистых крыльев...»	31
«Все хорошо, все хоро... Боже мой...»	32
«Поэзия... Мне жаль тебя, поэзия...»	33
«Нарисуй весеннюю улыбку...»	34
«Я пришел погреться – не открыли двери...»	35
«Бывает так, что сквозь слова...»	36
«Рассыпался в руках копейками...»	37
«До свидания, ночь. Ты к утру уже так постарела...»	38
«А кто еще увидит за меня...»	39
«Я начинаюсь с горячей ладони...»	40
«Ну что ты смотришь шальными, карими...»	41
«Опять до утра не спится...»	42
«На сцене ночь. На сцене только замысел...»	43
«Сколько лиц в пустоте, сколько бледных встревоженных губ...»	44
«Ты смотришь в бездну. Она порождает страх...»	45
«А знаешь... К черту эту боль...»	46
«Мой мальчик, ты живой, скажи мне...»	47
«Ты прячешь в плед растрепанное пение...»	48
«К тебе придет твой лучший день...»	49
«Я тот, кто не здесь. Я из тех, кто проходит мимо...»	50
«Окно открыто...»	51
«Проступает в глазах ребячество...»	52

«Вползла ко мне в душу, всю грудь расцарапала...»	53
«Исписанными желтыми страницами...»	54
«Пару строчек зимы – это все, что тебе обещаю...»	55
«Тебе хотелось жить. Но жизнь сжимала жгут...»	56
«Родная, наши дни – свывание с зимою...»	57
«Настанет время для потери...»	58
«Попробуй жить наощупь...»	59
«А если мне не хватит света...»	60
«То ли глобус разбился на зло и добро...»	61
«Столько звуков вокруг, но царит тишина...»	62
«Говорят, он жил здесь, вблизи, где-то вниз по улице...»	63
«Я свыкся с пустотой, я свыкся с криком...»	64
«Девочка Герда, ты знаешь, я часто писал...»	65
«Через бордель и кладбище...»	66
«Ну что ты, брат мой, загрустил...»	67
«Это даже не грусть, это даже не горе...»	68
«До встречи, брат. Ее не долго ждать...»	69
«Поэзия – это лестница...»	70
«Мне кажется, Вы станете старухой...»	71
«Мир становится черным, мир оболган – и черт с ним...»	72
«Вот так и останусь – по белому...»	73
«Пой, милый, пой. С тобою Бог...»	74
«Приложил ей голову к груди...»	75
«Я не люблю писать стихи...»	76
«Ветер такой холодный, вечер упал под ноги...»	77
«Он пишет о разбавленном вине...»	78
«Я спросил у нее: Где граница зимы? Расскажи мне...»	79
«Ты помнишь пушистое белое время...»	80
«Там иконы стоят. Там иконы и дряхлые руки...»	81
«В твоей голове абиссаль. Падение было долгим...»	82
«Что там завтра? Заснеженный мир поцелует в улыбку...»	83
«Не пощадит нас время. Будет час...»	84
«Девочка... Слабая, тонкая, тихая...»	85
«Ну что, малыш? Мы живы, мы сильны...»	86
«Эти дни не забыть, эти дни наших встреч...»	87
«Там туманы – по пояс, молочные...»	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Аль Квотион

Словоточие

Посвящаю своему возлюбленному чаю с лимоном.

«Я открыл приют для голодных птиц...»

Я открыл приют для голодных птиц,
У них сотни крыльев, у них нет лиц.
Я кормлю пшеном черных теплых букв
Бесконечность перьев и жадных рук.
И не важно то, что болит в груди,
Рядом с ними я становлюсь другим,
И учусь все чаще не петь, молчать.
Прилетайте, птицы, на горький чай,
Посмотреть в обертке красивых слов
На мою печаль и мою любовь.
Прилетайте есть, прилетайте пить
И, совсем по-птичьи, к утру забыть.
Ночью птицы спят, ночью тихо жить,
Ночью громче сердце и меньше лжи,
По ночам во мне говорят стихи,
И светло душе, и шаги легки.
Ночью птицы спят, я сижу один,
Может быть, прощен, может быть, любим,
Зажигая свет в темноте ресниц,
Созидая корм для голодных птиц.

«И вроде жизнь еще не кончилась...»

И вроде жизнь еще не кончилась,
И вроде я не опоздал,
Но все же злее одиночество,
Когда вокруг шумит вокзал.
Поэтом скомканным шатаешься,
Устав от дум, от баб, от дел,
Жуешь судьбы краюшку-краешек,
И улыбаешься в прицел.
Мы умираем не от старости,
Не от любви, не от войны,
От неба синего до крайности,
Кричащего у нас в груди.
Бросаем все без милосердия,
Поэты, юноши из снов,
Но на поверхности бессмертия
Лежит запекшаяся кровь.
И наши души – коридорами
Для пришлой боли всех людей,
Мы плачем полночью за шторами,
Мы память людных площадей,
Времен тоски, времен отчаянья,
Не достучавшейся весны,
Времен утробного молчания
Всей изувеченной страны.
Слова – изведенное зодчество,
Слова – топор, слова – стена,
Мы убиваем в себе творчество
Глотком дешевого вина.
Мы птицы, руки в свет простершие,
Мы список сгинувших имен,
Мы этим миром перекошены,
Но снова прорастаем в нем.
Как больно, остро! Знаешь? Чувствуешь?!
Закрой глаза и пой, и пой,
Мы бьемся насмерть в солнце душами,
Мы мир таскаем за собой.
Конечно, зло, добро – условности,
Все ведомо на свете нам,
Вот только не хватает совести
Идти к свободе по телам.
Мы гибнем взвешенными пачками,
По килограмму на штыки,
Поэты, стихотворцы, мальчишки,
Держатели всея тоски,
Бессильные военнопленные,

Мы продаемся за гроши,
И вырывается вселенная
Из обесточенной души.
Уходим молча. Имя-отчество
Под каждой стонущей строкой.
Но все же злее одиночество,
Напоенное пустотой.

«Ты знаешь вопрос «зачем», ты искал ответа...»

Ты знаешь вопрос «зачем», ты искал ответа,
Ты в книгах его искал и искал в глазах.
А там, за окном, непослушное рваное лето
Гуляет забытым ребенком в вечерних дворах.
Там каждое слово – прообраз бесед грядущих,
Там каждый вопрос – заключает в себе ответ.
Там мир – это холст, на котором рисует души
Тот вечный никто, для которого мира нет.
Ведь что наша жизнь? Это небо. Пейзаж. Вид с мыса.
Два облака, солнце и воздух – ничто на треть.
Ты можешь сидеть и искать в этом небе смысл,
И можешь расправить крылья и в нем лететь.
Два маленьких шага от женщины и до дуэли,
Две маленьких песни на струнах натянутых жил.
Все просто: пока ты искал своим жестам цели,
Я жил. Понимаешь, мой мальчик? Я просто жил.

«Ты смотришь в эти буквы беглые...»

Ты смотришь в эти буквы беглые,
А я смотрю тебе в висок,
Оплавленный земными бедами,
Забывший собственный исток,
Нелюбящий, холодный, мраморный,
Смотрю и вижу весь наш мир,
Живущий по жестоким правилам
Оплаты брошенных квартир,
Усталой тихой нелюдимости,
Спивающихся болью снов,
Убитой сплетнями невинности,
Дверей, закрытых на засов.
Мир, где голодными сединами,
Держась за слабые сердца,
Мы все становимся картинами
Руки безликого творца.
Холсты. Большие, безымянные,
И подпись Бога, как итог.
Нас вложат в рамы деревянные
И закопают точно в срок.
И вместо рая – многоточие,
И вместо ангела – свечу.
Но засыпая в одиночестве,
Твое я имя в ночь шепчу.
И мысли эти – неоправданны,
Они лишь оттиски виска,
Пропахшего войной и ладаном,
Судьбой текущего в века.
Чего мне не хватает? Смелости?
Знамен? Тоски? Но все же знай,
Любовь к тебе растет до зрелости
И морем бьется через край,
Любовь глубокая, бездонная,
Ответь, скажи, я все смогу.
Но ты все смотришь в буквы черные,
И веришь только в тишину.

«Соври, что завтра будет лучше...»

Соври, что завтра будет лучше,
Что та же осень, только краше,
Что тот же вздох, но без удушья.
Соври, что мы не станем старше.
Соври, что люди не уходят,
И что любовь всегда взаимна.
Соври о чести и свободе,
Соври, что жизнь необходима.
Соври о том, что все болезни,
Нас превращающие в землю,
Пройдут. Соври, что не исчезнем.
Соври, что истина не дремлет.
Соври, что дети все вернуться,
Навек ушедшие из дома.
Соври, что ангелы проснутся,
И выйдет Бог из вечной комы.
Соври, что тот старик с глазами
Всех пьяниц мира будет счастлив.
Соври, что стены между нами
Прорвет лавина новой страсти.
Соври, что станем мы добрее,
Не так жестоки и угрюмы,
И между школой и аллеей
Не будут подниматься тюрьмы.
Соври, что тот, кто нами правит,
Хранит в рассудке человечность.
Соври про честность этих правил.
Соври, что завтра будет вечность.
Соври про солнце в каждой луже,
Про светлый смех за каждой дверью.
Соври, что завтра будет лучше.
Сегодня я тебе поверю.

«Теперь скажи мне, что ты видишь...»

Теперь скажи мне, что ты видишь?
Когда познание себя
Вдруг стало нищим.
Стало лишним.
А под тобой горит земля.
Когда все траты и потери
Так безнадежно губят жизнь,
Что ты уже распят, потерян
И обескровлен до души.
Ты в сырь,
Ты в серь,
В сирень,
В сиротство
Кричишь до хрипа о любви.
Не слышат.
Смейся, плачь, юродствуй!
Ты здесь один.
Мы здесь одни.
Когда ты век бежал за эхом,
Стирая сердце до прорех,
И встретил, встретил человека,
Но жалок этот человек.
Когда ты осознал по телу
Всю хрупкость лбов,
Всю хриплость слов.
Всё в мире,
Всё,
Всё опустело.
И космос стар.
И ты не нов.
Все наши судьбы – эпос, хаос.
Все наши свечи – в темноте.
Чертовски мало просто пауз.
Чертовски сильный шум везде.
И бездна смотрит с каждой крыши.
И у нее твой лик, твой взгляд.
Теперь скажи мне, что ты видишь?
Теперь я слушаю тебя.

«Все хорошо. Привет-пока...»

Все хорошо. Привет-пока.
Зима, зима... Да нет, не мерзну.
Снег опустился с потолка
И пропитал собою воздух.
Все хорошо. Вы где-то там.
Вы где? Молчание и шорох.
Каким молиться здесь богам,
Чтобы не тлеть как мокрый порох?
Все хорошо. Болит? Слегка.
Слегка болит, слегка болею.
У вас холодная рука
И обжигающая шея.
Все хорошо. Простите мне
Невозвращенство листопада.
Ах, пани, счастье на земле
Не больше, чем наивность взгляда.
Все хорошо. Да, Вам пора.
Уйти, уснуть, не в этом дело.
Здесь билось сердце у ребра,
Пока ему не надоело.
Все хорошо. До новых встреч.
А может, посидите рядом?
Да, да, пора. Рубите с плеч,
Но не смотрите виновато.
Все хорошо, опять клише,
Не запирайте двери, пани!
Вдруг станет сыро на душе,
И ты устанешь жить. Устанешь.

«Шагая по стеклам разбитых прелюдий...»

Шагая по стеклам разбитых прелюдий,
Не веря уже ни газетам, ни людям,
Из боли любви и земного бессилья
Она собирала непрочные крылья.
Грустила тайком, не любя театральность,
По шрамам и ссадинам знала реальность:
Закрытые перед лицом ее двери,
Вкус смерти последней отчаянной веры,
И чуждость свою, и свою одинокость,
Разбитый в побеге от прошлого локоть.
А кошка у ног неизвестной породы
Учила ее чувству гордой свободы,
Учила гулять по обшарпанной крыше,
Учила, что люди почти что как мыши,
И если любить, то не жалких, не слабых,
И если уж падать, то только на лапы.
Они уходили вдвоем вдоль приboя,
Прозрачные крылья сжимая в ладонях,
Вдоль долгого неба, осенних морозов,
Шагая по стеклам, по людям, по звездам.

«Что ты можешь сказать мне нового...»

Что ты можешь сказать мне нового?
Что стихи – это только плешь
На затылке всего прошедшего? Что ни шерсти с них, ни рубля?
А я знаю. Я сам растроченный. Покатился по полю – срежь
Эти маки и эти маковки. А не то зацветут поля.
Да, я знаю, я сам исписанный. Я подгрудный еловый сбор —
Принимать по стакану вечером, пока звезды стоят кругом.
Только, кажется, не закончится этот долгий бездарный спор:
Спор любовника с импотенцией, спор поэзии с топором.
Да, я знаю. И тоже, в принципе, соглашаюсь порой молчать,
Потому что слова бессмысленны, не заменят простой сохи,
Не залечат простой царапины, не окупят твою печаль.
Но когда я целую женщину – продолжаю писать стихи.

«Ничего не пугайся и держи меня в холоде...»

Ничего не пугайся и держи меня в холоде,
Так сбивается жар истеричного хохота
Раскаленной души, обнаженной до выкрика,
До голодных стихов беспощадного выводка.
И границы – тесней, и реальное – кажется,
И под каждым лицом вместо истины – сказочник.
Твои руки безумные на плечах моих спаяны,
В этом что-то от Брута, в этом что-то от Каина.
Мы сорвемся в туман, мы останемся в вечности,
В этом что-то от неба, от его безупречности.
Твои руки безумные раздевают сознание,
Обрывай тормоза и включай зажигание.
Бесполезны слова и нелепы потребности,
Гроб руби на дрова, и тогда мы согреемся.
Горячо? Горячей! Пусть дотла, до духовного.
Ты не хочешь обжечься? Так держи меня в холоде.

«Странная женщина: тонкая, тихая...»

Странная женщина: тонкая, тихая,
Вяжет судьбу и сидит у окна,
Время ее не стремится, не тикает,
Медленно льется подобием сна.
Звездное небо в ней, рядом с ней холодно,
Но без нее – словно нечем дышать.
Тихая, тонкая, острая. Больно мне.
Острая, вечная, словно душа.
Словная, славная, млечная, тонкая,
Шепчет молитвы в прозрачную тьму,
Любят таких не касаясь, не трогая,
Не задавая вопрос почему.
Только любить. Только верить признаниям.
Плыть в этом шепоте гаснущих звезд.
Сонно баюкать и греть пониманием.
Только любить. И любить – лишь всерьез.

«Скажи этим людям о том, что ты знаешь истину...»

Скажи этим людям о том, что ты знаешь истину,
Вбивай свою правду в податливость, в мягкость лбов,
До крови, до рева, до рвоты словами в письменность,
До шрамов ума, до душевных больных рубцов.
Пусть верят, как ты. И пусть любят, как надо, правильно.
Разуют глаза и увидят – вокруг стена,
И люди, все люди, от прадедов и до правнуков
Глупцы. Всем им боль одна и юдоль одна.
Скажи, что вокруг – война, что вокруг все сумрачно,
Надежда подохла вчера. Не успели спасти.
И ценность осталась одна – добежать до булочной,
И влипнуть судьбой в экран. И уснуть к шести.
Что Бог подписал наш мир молчаливым прочерком.
Что ночь началась и не будет другого дня.

Но жизнь – это зал зеркал, амальгама, тест Роршаха,
Ты видишь в ней только то, что внутри тебя.

«Проснешься: кофе, новости, мигрень...»

Проснешься: кофе, новости, мигрень,
Обычный полубред, обычный день.
И надо бы ожить, но как-то лень,
И смысла нет, и мысли набекрень.
К полудню ты становишься мудрей.
Вся жизнь твоя срослась в тугую сеть,
И ты способен, царствуя над ней,
Светло и вдохновенно сатанеть.
Под вечер – межпланетный апогей,
Конфликт миров, скандал, прощенье, секс.
И даже хорошо, что так – больней,
Но чувство жизни входит в каждый текст.
А ночью разбавляешь соком спирт,
И новый облик истины готов:
Ты слово, изменяющее мир,
Но ты и мир, не требующий слов.

«Все люди – мое отчество и певчество...»

Все люди – мое отчество и певчество,
Все здесь, от февраля и до рубля,
Но стоя по колено в человечестве,
Мне хочется смотреть лишь на тебя.
Затем, что остальные здесь – ненужные,
Пустые, исковерканные лбы,
Живущие от завтрака до ужина
В отрезке от прицела до пальбы.
Затем, что остальные не пришились мне
К изнанке измочаленных висков,
Ни к выкрику,
Ни к выдоху,
Ни к вышагу,
И, кажется, не стоят даже слов.
Возможно, это в чем-то даже правильно,
Смотрю в тебя сквозь лиц метельных фирн,
Сквозь ум и глупость,
Сквозь грехи и праведность,
И взглядом этим связываю мир.
Бинтую, пленяю.
Что есть творчество?
Попытка убаюкать жизнь в стихах,
Попытка жить сквозь певчество и отчество
И в пол строки – разменная тоска.
Ты разреши – лицом в твои горячие,
Дарующие право быть собой
Ладони.
Что мы знаем?
Что здесь значим мы?
Не спрашивай.
Молись, люби и пой.
Закат. Притушен свет. Окно. Чернильница.
И люди. Здесь так много, много их.
Весь век шумит вокруг, растет и ширится.
Но ты живешь во мне.
И нет других.

«Она бежит по снегу в легком платье...»

Она бежит по снегу в легком платье,
И прячет по карманам адреса,
Бежит от понедельника до пятницы,
А в воскресенье смотрит в небеса.
Смеется и баюкает все горести
На осторожно дышащей груди,
И вы ее надежды не оспорите,
И не поймете, что там позади
За этими ажурными предплечьями,
Исписанными строчками стихов,
За этой горькой верой в человечество,
И в человечность поздних женихов.
Ей можно только жить, взлетать на выдохе,
Плести волос растрепанную медь,
Бросать в утробу жизни свои вызовы,
Ей можно только плакать, только петь.
Держательница тихого достоинства,
Хозяйка ног изранено-босых,
Распушенных по ветру мыслей собственница
Владелица эмоций расписных.
Она, она... Она ведь просто девочка,
Тростиночка, снежинка по весне
В реальности осиротело певческой,
В оттаявшей к полудню белизне.
Беречь, беречь, сражаться и заботиться.
Любить, любить, хранить ее в себе,
И слушать, как душа ее колотится,
И слышать только небо, только свет.

«Здесь пахнут сиренью и верою...»

Здесь пахнут сиренью и верою
Нагретые стены избы,
Здесь время того милосердия,
Которое ввек не избыть,
Здесь Бог пробирается травами
Под ноги босой детворы,
Здесь место спастись
Между травлями,
Здесь время спасать.
Здесь обрыв
В покой,
В малословность,
В забвение,
В умение просто обнять
Тебя возле печки.
Здесь зрение
Находит кругом благодать.
Здесь что-то от мудрости прожитых
Веков. Здесь способность прощать
Живет, словно в небо проросшая,
И словно с людьми сообща.
И ты здесь становишься радостной,
Задумчивой тишью лесов,
Становишься знаменем, адресом
В проулки земных вечеров,
Где тепломолочной туманностью
Баюкают песни святынь,
Где мы вдруг становимся данностью,
Из мифа большой суеты.
Ты видишь?
Все песни – разрезами
Болят и кровят на снегу.
Ты видишь?
Стою между безднами,
Прозрачный от сердца до губ.
Ты видишь?
Тоска нелечимая
Стоит у меня за спиной.
Уедем в деревню, любимая,
Уедем дышать тишиной.

«Уйдешь. А что оставишь нам...»

Уйдешь. А что оставишь нам?
Ты говоришь, что снег
Нетронутый. И клавиши
Рояля. И ковчег.
И музыку. Но музыка
Стихает по ночам.
Нет, ты оставишь узость нам
Идей о мелочах.
Оставишь мокрый, ягодный
День осени. Старье.
Оставишь только загнанность,
Проклятие свое.
Счета в хрустальной вазочке
За воздух и за свет.
Оставишь пыльный справочник
Людских сердец и лет.
Оставишь неизбывную,
Бессильную тоску.
Любовь альтернативную,
Любовь в одну строку.
И пыль на этих улицах,
И новости газет,
В которых мир сутулится,
Оболган и раздет.
Наследство бесполезное,
Огрызки, хлам, тряпье.
Оставишь лишь поэзию.
Бессмертие свое...

«Писать, пожалуй, можно обо всем...»

Писать, пожалуй, можно обо всем.
Все стоит слов
И каждый стоит слова.
Масштаб основ
За письменным столом
Окажется когда-нибудь пуховым
Лебяжьим одеялом на снегу.
Смотри, смотри, на нем уснул ребенок,
Смотри, как ночь склоняется к нему
И шепчет что-то царственно, иконно.
Пиши стихи о том, что из окна
Видна стена,
Которая все слышит.
И церковь из окна еще видна,
Вон там стоит, вздымается над крышей.
Стоит давно,
А кажется – летит.
Летит над строем стиранных рубашек,
Летит над жизнью, купленной в кредит,
Летит, летит, и белым небом машет.
Пиши о том, что старенький диван
Запомнил бедра женщины усталой.
Она ушла.
Нащупала изъян.
А он все помнит, он не забывает.
Пиши про вещь.
Любая из вещей
Хранит в себе прообраз человека:
Упрямство мысли или дряблость шей,
Другой ли признак, или призрак некий.
Все стоит слов,
Все свой имеет вид,
И глубину,
И молодость,
И старость.
Смотри, смотри, ребенок в слове спит,
И я в ребенке этом вижу завтра.

«Дыши, дыши, страдай и властвуй...»

Дыши, дыши, страдай и властвуй,
Живи, как сам я жить не смог.
Гуляй босой душой по насту,
Жалей, жалей всех дураков.
Храни свой неприют ребячий,
Сгорай и праздной недосуг.
А я уже почти прозрачный,
Ты видишь сквозь меня весну.
А я уже почти, я чье-то
Неловко брошенное «ах».
Я тень любого эшафота,
Я одинокость в городах.
Так поздно, звездно, страшно, тихо,
Ребенок, юноша, старик,
Я между бытностью и мифом,
Я призрак всех сожженных книг.
Пройдет, пройдет. Ведь все проходит.
Не плачь. Лети туда, где рай.
И одевайся по погоде,
И торопись на свой трамвай.
Замрет весна. Безмолвно, страшно,
Прозреньем смертности творцов.
Я стану словом отзвучавшим,
Я стану плотностью холстов.
Прощай, прощай. Мое наследство —
Мосты во тьме, ступеньки вверх,
Давно распроданное детство,
Строкой целующее всех.

«В его сердце дыра. Прострелили, протерлась – не важно...»

В его сердце дыра. Прострелили, протерлась – не важно.
Просто есть она в нем. И он ходит сутулый, больной.
А дыра поглощает весь свет и темнеет, как сажа,
Наполняется небом, людьми, родниковой водой.
В его сердце дыра. Или дверь под табличкою выход
В непрерывный сквозняк, в переулки ночных городов,
В одиночество людности, в полымя, в похоть и прихоть,
Где так дорого время, но каждый из смертных – грошов.
В его сердце дыра. Зарастет ли однажды? Не скоро.
Будет долго дымиться. Не месяц. И даже не год.
Это все же не дверь, это множественность коридоров,
Только каждый из них никуда, никуда не ведет.
Там где мышцы должны выдавать кислород прозаично,
Там где жизнь должна складывать дни в роковую тетрадь,
В его сердце дыра. И ему уже все безразлично.
В его сердце дыра. Но на это ему наплевать.

«Ты занавес, ты реквием, ты вечер...»

Ты занавес, ты реквием, ты вечер,
Ты эпилог, одетый в человеческий
Короткий срок, сплетенный из венков
Пропавших пятниц, скучных четвергов.
Ты – это титры с перечнем любимых,
Ты вековая тихая терпимость,
Ты рушишься, смеркаешься, стареешь,
Но как прекрасна родинка на шее.
И пусть не юность, пусть давно не детство,
В тебе есть сцена, а на сцене действие:
Весь мир стоит, и он угрюм, как Гамлет,
Весь мир молчит в груди твоей крахмальной.
Так пишут письма не умы, а души,
Так пишут песни и стирают тут же,
Так небо вырывается из глаз.
Такой ты остаешься и сейчас.

«Во мне дымно, сумрачно, прохладно...»

Во мне дымно, сумрачно, прохладно,
Как в церквушке на краю села,
Тлеет свет и сладко пахнет ладан,
И ребенок возле алтаря
Тихо-тихо молится и плачет,
И скребет словами тишину:
«Дай им всем, мой Боженька, удачи,
Дай им всем по своему зерну,
Чтобы в душах выросло садами
То добро, что сеятель и жнец,
Та любовь, что зреет между нами,
Дай им всем начало и конец».
Во мне тонко, медленно, соборно,
Я рисую крестик на груди,
А моя босая беспризорность
Бродит между гаснущих кадил,
Между миражей, недосыпаний,
Между войн, страданий и больниц.
А потом возьмет он в руки палку
И пойдет сбивать ближайших птиц.

«В голове живет ребенок, он пытается понять...»

В голове живет ребенок, он пытается понять,
Отчего от желтых листьев пахнет гибелью лесов,
Почему весь мир разболтан, шаг на запад – западня,
Шаг на север – сверлит в горле ком невысказанных слов.
Вот ребенок вырастает, матерееет, щурит глаз,
Он уже не тот наивный, он теперь вооружен,
Только где-то между ребер прячет свет от дразг и масс,
Языком разбойных улиц говорит с цветами он.
Говорит пока что с солнцем, хоть и сжал уже кулак,
Хоть оскалился собакой, так же звездам отворен.
В голове моей ребенок. Он собрал в себя, чудак,
Человечность и жестокость, дар небес и дар времен.

«А там, за углом был рай...»

А там, за углом был рай,
Но ты так спешил домой,
Где мама ставила чай
На скатерти с бахромой.
Где лаял смешной щенок,
Виляя хвостом у ног.
И не был назначен срок,
И ты был не одинок.
А там, за углом был рай,
Но гнали тебя дела:
Ты прыгал в пустой трамвай
И в нем выгорал дотла.
Жена не ждала назад,
Работа проела плешь,
И все было невпопад,
И где-то лежал рубеж.
А там, за углом был рай,
Но было уже не дойти.
Ты часто твердил «прощай»,
Но чаще шептал «прости».
И слабость старческих рук
Сжимала последний май,
Но мир уже мерк вокруг.
А там, за углом был рай.

«Я слышу шуршание перистых крыльев...»

Я слышу шуршание перистых крыльев,
Слепой, я не вижу, но знаю – ты рядом,
Скребусь пауком в опустевшей квартире
И путаю лирику с пошлостью мата.
Кидаю банальные спелые тексты
В кишачие маски плотные сети.
И все что осталось: слова и рефлексы
Они превращают в ужимки и сплетни.
Я чувствую взгляд на заштопанном сердце,
Но так не люблю уходить в многоточье,
Пишу тебе снова, пишу в ритме скерцо,
Вбивая молитву «услышь» в междустрочье
Пою, разбиваясь сонатой о стены,
Рифмую шаги с опечаткою «выход»,
Кричу на подмостках безумной арены,
Срываюсь на шепот, на возглас, на выдох.
Тебе, все тебе, ты услышишь, я знаю,
И вдруг обернешься, надавишь на тормоз,
Я слеп, я пою, я кричу, я скучаю,
Мой ангел бессменный, иди на мой голос,
Иди...
На мой голос.

«Все хорошо, все хоро... Боже мой...»

Все хорошо, все хоро... Боже мой.
Светла привычная юдоль.
Но разболелось снова прошлое,
И не проходит эта боль.
А может вырвать, выдрать, вычленишь,
Гниющим зубом удалить?
Замазать язву эту числами
Всех дат нечаянной любви.
Заштопать, выжечь, ампутировать
Конечностью немой беды.
Лечить наркозными витринами
И заметать под снег следы.
Но память ищет оправдания,
И молча смотрит из судьбы
Глазами, полными отчаянья,
Того мальчишки, кем я был.
Ребенком плачет искалеченным,
И не уйти, и не предать.
Проказа, дрянь, а делать нечего,
Опять любить и все прощать.
А дрожь в руках? Брось, пустяковое.
Бессонница? Такой пустяк.
А может спрятаться за словом мне
И строить город на костях?
За что мне, господи? Что сделал я?
Кормил всех птиц своей душой,
Любил всю жизнь, слепую, бледную.
Все хорошо. Все хорошо.

«Поэзия... Мне жаль тебя, поэзия...»

Поэзия... Мне жаль тебя, поэзия,
Утопленница, лестница до звезд.
Все реже – божья, чаще – бесполезная.
Последнего отчаянья форпост.
Святыня на задворках нашей алчности,
Души перерождающейся срыв,
Бессонна, безответна и безжалостна
На выселках плохих дешевых рифм.
В гортани жаром слова пересушена,
Избита распродажами творцов,
Залатана, обуглена, простужена,
И сверстана по штампам образцов.
Доедена, домята, перевыпита,
Расплавлена в чаду живых горнил
Страстей земных, раздувшихся до выдумки.
И я любил. Конечно, я любил.
И пел о ней. Желал ее отчаянно,
И часто забывая о словах,
Свободу петь теснил я на окраину,
Скрипящую обманом на зубах.
Но жизнь есть жизнь. Разбила, стерла, вымыла.
Оставила комок нервных вен,
Несказанность души до жажды выдоха
И страшный шепот грозных перемен.
Да бог с ним. Мы продолжим это шествие,
От вечности до чаянья добра.
Поэзия, мне жаль тебя, поэзия,
Любовница, мятежница. Сестра.

«Нарисуй весеннюю улыбку...»

Нарисуй весеннюю улыбку
На сухих, искусанных губах,
Это не обман, а та же гибкость,
Сказка о сгоревших мотыльках.
Вырежи ее ножом и словом,
Чтобы оставался красный цвет
Символом любви к стихам и вдовам,
Там, где от любви и следа нет.
Брось уже завидовать пичужкам,
Небо – пустоты меридиан.
Грудь открой и вырвется наружу,
Нет, уже не смерть, но океан.
Потому что здесь, сейчас мы дышим,
Отогреешь руки – снова в путь,
По стопам извечных всех мальчишеств,
Где финал – распоротая грудь.
Птицы раскричались? В уши – вату!
Что они расскажут о тебе?
То, что ты когда-то был крылатый,
А теперь останешься в земле.
Кроме жизни есть иная ссылка,
Если разглядишь ее в годах —
Нарисуй весеннюю улыбку
На сухих, искусанных губах.

«Я пришел погреться – не открыли двери...»

Я пришел погреться – не открыли двери,
Развернулся, плюнул в разноцветный вереск,
И пошел по миру, по рукам, по жизни,
Чтобы петь до крика, чтобы спать с чужими.
Шил чехол для крыльев из больничной грусти,
Чтобы разум – ясен, чтобы в сердце – пусто,
Чтобы тюрьмы, войны – проросли сквозь плечи,
Чтобы видеть брата в каждом первом встречном.
Спал в траве, измятой отсыревшим небом,
Растирался солнцем, укрывался снегом.
Разузнал, что горечь в человеческих лицах
Собиралась долго, по скупым крупичкам.
А на рынке боли – распродажа слова,
На поэтах – ценник, покупай любого.
Быть дешевле в моде, завтра будут скидки
На горящий разум и любви попытки.
Я ходил по нотам, я ходил по мукам,
Нацарапал опыт на ладони смуглой.
Расшептал в березу свои сны и тайны,
Посадил на поле – там прошли трамваи.
Целовал всех щедро, но остался нищим,
И не сыт ни хлебом, ни духовной пищей.
Так ходил, что звезды под ногой хрустели,
Так устал, что песни полились из тела.
Растрепался ветром на земных дорогах,
То смотрел в иконы, то бежал от Бога.
Жизнь, конечно, счастье, но замерзло сердце.
Может, кто откроет? Я пришел погреться...

«Бывает так, что сквозь слова...»

Бывает так, что сквозь слова
В страницах прорастают перья.
Это сквозящая душа
Опять стучится в чьи-то двери.
Я слышу, слышу этот стук
В распятии височной вены,
Как исповедь и как недуг,
Как тишину, как перемены.
Мне не уснуть. А мир – ладонь,
Гуляй, гуляй, пока не спится,
Пока не вырвет осень зонт,
И не покроют тебя листья.
Хожу по дну, хожу по дням,
Минуты колят под ногами,
Все так же весел и упрям,
Все так же слаб и не угадан.
И где-то ты. Во мне, во мне!
Неявной болью проступаешь
В такой прекрасной наготе
Под рясой всех моих монашеств.
Ты, ты ложишься на смычок,
Когда другие звуки немы,
И красной горечью течешь
Сквозь белоснежные поэмы.
А я все прячусь за стихи,
За воротник скупого мая,
И музы письменный бронхит
В разрывы сердца выливаю.
Хожу, хожу по деревьям,
Сыт одиночеством монизма,
Лишь те, кто полюбил меня,
Простят мне эту псевдонимность.

«Рассыпался в руках копейками...»

Рассыпался в руках копейками,
В тех обескровленных, холодных,
Что ищут счастье под скамейками
И раздевают по погоде.
К утру перебинтован нервами,
В ночи переодетый в мрамор,
Я превратился в звон серебряный,
Но не исчез, ты слышишь, мама?
Осталась боль еще на доньшке,
Зерно для черных птиц в карманах,
И утлое мое суденышко
Без парусов, без капитана.
Осталось что-то от поэзии
И от меня осталось что-то
На самом деле бесполезное,
На самом деле на излете.
И убивающая ласково
Любовь с безжалостным оскалом,
Прибитая к стене булавками,
И с жадным ртом закатно-алым.
Осталось что-то. Ведь осталось же?
Не весь еще на смерть разменян,
На откровения бумажные,
На бесконечность повторений.
Слова мои, все дни упрямые,
И сердце, и неровный почерк
Запеленаю в телеграмму я
И отошлю тебе по почте.

«До свидания, ночь. Ты к утру уже так постарела...»

До свидания, ночь. Ты к утру уже так постарела,
Ты покрылась морщинами первых забот и зевак.
Умираешь? Но это не смерть, а свобода от тела.
Ты актриса, ты гибнешь картинно и веришь в аншлаг.
До свидания, жизнь, до свидания в новых ладонях
Бесконечных дорог, уходящих стрелой в небеса.
Будь покорной, прошу, хоть сегодня останься покорной,
Без привычных тебе мелодрам, отгремевших вчера.
Я хотел бы стать чистым холстом до начала творенья,
Где ни Бога, ни черта, где нет ни тебя, ни меня.
Но во мне слишком много осталось от ночи, от тени,
Из меня уже вырвался мир на нетвердых костях.
Я хотел бы сойти в никуда, между смыслов и станций,
Я хотел бы остаться словами на остром пере.
Мое сердце стучит в чьих-то тонких безжалостных пальцах,
Только кажется мне почему-то, что пальцы – не те.

«А кто еще увидит за меня...»

А кто еще увидит за меня
Как кони бьют копытами по небу,
Когда звенит из окон болтовня,
Когда собаки рыскают по следу?
Кто спрячет ближе к телу, под пальто,
Голодных птиц, что склевывают звезды,
И поцелует каждое крыло,
Собою разрезающее воздух?
Кто будет слушать эту тишину,
Шуршащую молчаньем в телефоне,
И в летнюю шагая желтизну,
Дарить цветы в смешном полупоклоне?
Кто этих вечных нищих воспевает?
Кто город свой увидит как тревогу,
От Лондона до Питерских болот,
Стираясь от бессонниц понемногу?
Кто будет раздеваться сквозь слова,
В пролет души бросая пищу сердца,
Пока не разобьется голова
От близости такого вот соседства?
Чья жизнь еще износится до дыр,
И осенью заплачет на аллеях?
Кто будет этот смертный зрелый мир
Любить, как только я любить умею?

«Я начинаюсь с горячей ладони...»

Я начинаюсь с горячей ладони,
Со слова, которого нет в языке.
В личной реальности, в общем загоне.
Стабильно ненужный. Не спетый никем.
Я начинаюсь... Да, каждый день снова,
Устало, лениво, спустя рукава.
Я начинаюсь с осколка, с засова,
Со скальпеля в пальцах всея божества.
Я продолжаюсь, и это банально.
Коплю в слабом теле заметки рубцов
Ранней любви, тишины, идеалов,
Рассудок теряя от бешенства слов.
Я продолжаюсь горчичным закатом,
Красиво и холодно, я – февраль.
Мерзлые птицы в кровати измятой
Уже не поют. Только мне их не жаль.
Я завершаюсь отчаянным воем,
Заезженным «поздно», улыбкой детей,
Воспоминанием: «нас было двое»,
Потом пониманием: «снова ничей».
Я завершаюсь войной полушарий,
Смешных рассуждений, мной взятых в прокат.
Я завершаюсь? Да, я завершаюсь.
Давай без трагедии. Просто «пока».

«Ну что ты смотришь шальными, карими...»

Ну что ты смотришь шальными, карими,
И льешься тихим и хищным шепотом?
В ковчег не взяли? Туда лишь парами?
Послали к черту и дверь захлопнули?
Не скалься, твой. Сдался сразу, загодя.
Ну, вейся кольцами, горло сдавливай.
Что хочешь? Сердце? Изволь, не занято.
Ешь вместе с ранами, с шальными, с давними.
Бери, что нужно, глотай в зародыше,
И плачь пронзительно, мне рассказывай,
Как ходят люди с пустыми рожами,
Не любят нежную, кареглазую,
Какие злые все, равнодушные.
А мне не важно, я бьюсь в конвульсии,
Поскольку разум вдруг стал игрушкой
В когтях, покрашенных злой эмульсией.
Со всем согласен – любить до одури,
Бежать к тебе по любому вызову,
Скупать на рынках пакеты обуви,
И яд согласен с улыбки слизывать.
Что хочешь сделаю, не побрезгую,
И если скажешь – я брошу творчество.
Но заползая мне в душу лезвием,
Оставь в ней место. Для одиночества.

«Опять до утра не спится...»

Опять до утра не спится,
Все давит многоэтажность.
Мне кажется, я стал птицей.
Но только, увы, бумажной.
На крыльях – слова, заметки.
Твой почерк. Косой, бескрайний.
И даже не нужно клетки,
Бумажные не летают.
Измятые белые перья,
Я, кажется, оригами.
А раньше тебе я верил,
Пока мы не стали врагами.
На вызов – улыбка мелом,
Сражение – каждым словом.
Возможно, что я был белым,
Теперь – до груди разрисован.
Скажи мне, любить бумагу
Легко? Или все же сложно?
Возможно, что я был мягок,
Теперь я намного строже.
Но эта война иная,
Система моих поцелуев,
Побег от прицела к раю,
И карим огнем – по июлю.
Мы все еще жаждем сжиться,
По старой больной привычке.
Мне кажется, я стал птицей.
Но ты зажигаешь спичку.

«На сцене ночь. На сцене только замысел...»

На сцене ночь. На сцене только замысел,
До действия, до акта, до имен.
И зряча тьма, и воздух – осязаемый,
И каждый звук – до боли окрылен.
Мы пишем жизнь, мы отсекаем лишнее.
Эссенция страданий и любви
Становится листовками, афишами,
Становится наследием земли.
Здесь каждый миг уже раздет до зоркости,
Здесь разжигают тысячи костров.
Здесь даже кровь на пальцах – бутафорская.
Но это наша, слышишь, наша кровь!
Я жизнь, я роль, я плачу вдохновением,
Я возвращаю, отдаю вам все.
Да будет слово. Истина. Вступление.
Но на стене уже висит ружье.
Да будет свет. Движение. Риторика.
Да будем мы. Пусть так, из-под кнута.
А я на сцене. Я играю Йорика.
Не Гамлета, но мертвого шута.

«Сколько лиц в пустоте, сколько бледных встревоженных губ...»

Сколько лиц в пустоте, сколько бледных встревоженных губ,
Сколько жадных, крикливых желаний и сколько трагедий.
Сколько темных отметин следов на лежалом снегу,
Это жизнь заболела. И стонет, и жалостно бредит.
Это жизнь, это ты за минувшим по нотам спешишь,
Это ты постигаешь науку молчать неизменно,
Потому что гуманнее слова прозрачная тишь,
Потому что судьба состоит из прошедших мгновений.
Ты когда-то мечтал, чтобы правда тебя позвала,
Ты когда-то хотел улететь, не валяться под плитами,
Но стремление вверх выжигает до срока глаза,
Потому что ты сам научился держать их закрытыми.
Это жизнь, это ты, это новая форма добра,
Ты смеешься до хрипа, пиная рассветы на выселках,
Потому что на голой груди вырастает дыра,
Она ширится с каждым движением, выдохом, выстрелом.
Она ширится, зреет, чернеет и больно сквозит,
Она родственна тем, пожирающим свет во вселенной.
Это ты, это жизнь, это новый ее реквизит,
Привыкай, привыкай, и дыши, и люби вдохновенно.
Это жизнь, это ты, это прошлого веретено
Распускается шерстью, ложится на раны повязками.
Сколько лиц в пустоте... Я смотрю в них и вижу одно:
В каждом спит человек, под прибитыми к черепу масками.

«Ты смотришь в бездну. Она порождает страх...»

Ты смотришь в бездну. Она порождает страх.
Пытается сбить, поглотить, оборвать со строп.
Ты выдох ее, ты гортанный тревожный «ах»,
Ты семя ее, ты ничто, пустота, микроб.
Ты смотришь в бездну. Она проникает вглубь.
Ты хочешь сродниться, вживиться ей в эпифиз,
Ты смотришь в бездну, ты равен ее числу.
Когда-нибудь ты сорвешься и камнем вниз.
Ты смотришь в бездну. Она изменяет пульс.
Она загоняет ритм и сбивает с нот.
Она твоя terra unіque, твой инсульт,
Она тебя переварит, пожрет, сомнет.
Ты смотришь в бездну. Ты видишь в бездне себя.
И вдруг понимаешь: ты только что стал другим.
Нельзя остаться, вернуться назад нельзя,
Ты миф, иллюзия, сказка, ты псевдоним.
Ты смотришь в бездну. Ты смотришь в нее давно.
Ты был здесь когда еще не случился мир,
Когда еще не было тел, векторов, сторон,
Когда еще не было женщин, имен, квартир.
Ты смотришь в бездну. Ты штрих, ты ее дитя,
И бездна поет тебе тысячей сшитых ртов.
Ты смотришь в бездну. А бездна смотрит в тебя,
Но ты читаешь во взгляде ее любовь.

«А знаешь... К черту эту боль...»

А знаешь... К черту эту боль,
Тоску, печаль и листопады,
Скулеж ленивых недовольств,
Здесь павших столько – негде падать.
А ты пока что жив, растрепан,
Бинтуешь слов своих разрез.
Давай по миру автостопом?
Давай смотреть в глаза небес?
Ты пахнешь страстью и обидой,
Ты новый мир, ты ранний джаз.
Сотри огонь с лица. Ты видишь?
За нами солнце. Солнце в нас.
Вставай. Иди. Пинай инертность,
Дыши, пока хватает сил.
Еще люби. Люби бессмертно,
Люби, как раньше не любил.
Ну сколько там – пешком до рая?
Верст пять по чахлому вранью.
Давай под музыку, по краю,
Давай станцуем на краю.
Душа – единственный твой пропуск
Из мира взяток и простуд.
Шагай, шагай в любую пропасть.
А крылья... Крылья отрастут.
Не веришь мне – спроси у Бога,
Взломай вселенскую консоль.
Возьми гитару и в дорогу.
И знаешь, к черту эту боль.

«Мой мальчик, ты живой, скажи мне...»

Мой мальчик, ты живой, скажи мне?
Ты дышишь. Ты еще кровись
Всей юностью на теле жизни.
В тебе еще ни дна, ни ниш.
Стоишь. В своем сумбурном веке,
Но все быстрее, все жадней
В тебя уже впадают реки
Всех человеческих страстей.
Не умоляй, не жди, не требуй,
Мой мальчик, ты пока что жив.
Ты расплескался вплоть до неба,
Ты половодье, ты прилив.
В тебе все судьбы, все начала,
В тебя впадает рай и ад,
Все радости и все печали,
И ты уже восходишь над.
Над миром плач. Над спящим миром
Слова, слова. Над миром взгляд
Сквозь города. Строкой, пунктиром.
Над древним миром новых дат.
Над миром смех. Он пахнет вишней.
Над миром рушатся мосты.
Над миром песня. Слышишь? Слышишь?
Над опустевшим миром – ты.
Мы здесь останемся чужими,
И мы срастемся до души.
Мой мальчик, ты живой, скажи мне?
Пока что жив. Пока что жив...

«Ты прячешь в плед растрепанное пение...»

Ты прячешь в плед растрепанное пение,
Ты греешь плечи, ты боишься зим.
Ты мне читаешь Блока и Есенина,
А я глотаю горький теплый дым.
Я слушаю твой голос неразборчивый
И город, распростертый за окном,
И шорох крыльев заспанного творчества,
И жизнь соседей в мареве дневном,
Осенних птиц, стихающих, смолкающих,
Свист ветра, гул далеких поездов,
Вокзалы, вздохи вечных провожающих,
И крики ребятни из детсадов.
Весь мир шумит. Я замираю, слушаю.
Он говорит. Он столько говорит...
Он переполнен, пересыщен душами,
Он переводит чувства на санскрит.
И в мире ты. Во всем огромном космосе
Есть только ты. И только у меня.
Я ведь узнал, узнал тебя по росписи
Холодного прозрачного дождя,
По книгам этим, в доме твоём спрятанным,
По точкам дней, взаимно болевым,
По следу, по наитию, по памяти,
По голосу, скользящему в мой дым.
Ты сядешь рядом. Жизнь в одно касание.
Ты улыбнешься. Смерть в единый взмах.
И наше время сложится в молчание,
В котором больше смысла, чем в словах.

«К тебе придет твой лучший день...»

К тебе придет твой лучший день,
Простой, большой, удобный, сытый.
Сотрет со лба озноб, мигрень,
Подарит жизнь. Взаимы. Со скидкой.
Уладит быт.
Уложит спать.
Залижет боль.
Заложит меру.
Придет твой день.
Примерно в пять
Он постучится в твои двери.
Ты спросишь: кто?
Он скажет: я.
Не верь, я – здесь.
Я жив, я взвешен:
Сто грамм тоски, хорей и ямб,
Одна любовь, одна усмешка.
И скорость – сотни стертых шин
В секунду? Миг?
И вой набата.
И непрерывный бег души,
И возвращение обратно.
И слово.
Как же без него,
Когда вся кожа в буквах дрожи,
Когда я чувствую родство
С травой,
С тобой...
Да с каждым, Боже.
Когда висит в душе петля,
И рот от горя перекошен.
Но кто-то любит и меня,
Как любят стариков и кошек.

«Я тот, кто не здесь. Я из тех, кто проходит мимо...»

Я тот, кто не здесь. Я из тех, кто проходит мимо.
Едва задевая крылом паутину дней.
Я тот, кто остался вовне, между сном и миром,
Я до или после, но вечно – среди людей.
Ругалась любовь, чертыхалась и крыла матом,
Кривила помаду, текла черной тушью в грудь,
И сердце сводила мне так, что выл каждый атом,
Потом остывала, спекаясь в тоску и нудь.
И Бог собирал с нас долги до рубля торгашно,
И ангелы-скупщики сыто смотрели вниз,
И старость скреблась. Боль в предплечье, усталость, кашель.
А может быть, это не старость, а только жизнь.
И злой фанатизм под вуалью икон нательных,
И зев пустоты под оберткой прекрасных слов
И кто-то еще из имен, что меня хотели,
Из рук этих жадных, из этих пустых голов.

Да много их было, желающих выпить дочиста,
Пожрать, подстрелить, взять себе, уложить в траву,
Но я все равно остаюсь человеком творчества,
Оно не отдаст, не отдаст меня никому.

«Окно открыто...»

Окно открыто.
Дует ветер.
Окно в душе моей сквозит.
В нем виден мир.
Он чист, всесветен,
Он неизменен, неразлит.
Ты собираешь в сумку солнце.
Да, я возьму его с собой.
Оно – предсердие эмоций,
Оно – преддверие, предбой
Любой судьбы.
Еще? Сложи мне
Немного нот,
Немного слов.
Ведь ими мы свой век вершили
В застенках пыльных городов.
Сложи мне скорость.
Сто по встречной.
Брось в сумку весь беззвучный крик.
Любовь? Любви подвластна вечность.
И рядом с нею жизнь – лишь миг,
Она дается так, впридачу,
В довесок, в досыпь той любви.
А знаешь, брось еще удачи.
И оставайся.
И живи.
Мой поцелуй – в твоей ладони.
На память.
Ну! Не плачь, не трусь.
Я был в раю. Дорогу помню.
Не провожай, я доберусь.

«Проступает в глазах ребячество...»

Проступает в глазах ребячество,
Как ни прячу, ни крою в грусть.
Потому и глаза – горячие,
Потому нараспашку – грудь.
Все вокруг еще двойственно, девственно,
Все вокруг – семь шагов на гриф.
Потому-то и снится детство мне,
Что тот мальчик остался жив.
Тот, казавшийся давним, пройденным,
Тот, бежавший по брызгам луж
Через сломленный и соломенный
Сухостой измельчавших душ.
Может, стоит ему довериться,
Закатать рукава, запеть
И в улыбку шального месяца
Вцеловать листопадов медь.
А под вечер – сбежать на улицу,
Где аптека, фонарь, на ту.
И поверить, что все окупится.
И придумать себе мечту.
Просто так.
Не на ты, на я.
И придумать себе – тебя.

«Вползла ко мне в душу, всю грудь расцарапала...»

Вползла ко мне в душу, всю грудь расцарапала,
Свернулась, уснула. Я только вздохнул,
Как в горло – интимность. Нагая. Две капсулы.
И тянется сладкой помадой до скул.
Инъекция чувств – чтобы сердце забилося,
Рот в рот – ностальгию по жадным губам.
И меткие пальцы, уверенно, с силой
Уже прижимают ее. Не отдам
Ни гари, ни горю, ни боли, ни убыли.
Она меня лечит. Духовно. Собой.
Вдыхает весь мир. В полумыслие? В губы ли?
И скальпель по коже – лиричной резьбой.
Разряд красоты, восемь кубиков творчества,
Огонь внутривенно, озноб по груди.
Из сердца все пьет – до небесного, дочиста.
Но с ней я как-будто уже не один.
Но с ней мне – что в ад, что на небо, без разницы.
Но с ней я могу оставаться собой.
Слова отражаются, время смеркается...
Такая у нас, что поделатъ, любовь.

«Исписанными желтыми страницами...»

Исписанными желтыми страницами
Осенних листьев и осенних лиц
Мы станем завтра. Плакать? Веселиться ли?
Бежать до новых мысленных границ?
Любить или вернуться в одиночество,
И молча видеть, как тоскует век,
Как Богово немислимое зодчество
Ломают неуместный человек.
Мы потеряли что-то между смыслами.
Душа ушла, в бездомный дождь ушла.
Бог прячется, как только слышит выстрелы,
И в мире наступает тишина.
И в мире все – непонято, не принято,
И в мире мы – чужие для чужих.
И мир разрезан по законам прибыли,
И в мире я – над пропастью во ржи.
А в пропасти – глобальная кастрация
Ума и чувств. Постой, останься тут.
Бог умер? Скальпель. Свет. Реанимация.
Рот в рот. Вдыхая жизнь и красоту.

«Пару строчек зимы – это все, что тебе обещаю...»

Пару строчек зимы – это все, что тебе обещаю.
Пару строчек снегов, пару строчек веков и грехов.
Пару строчек лишений, мишеней, прощений, прощаний,
Пару строчек, написанных рябью стареющих слов.
Опоздает письмо. Время сложится в лед и застынет,
Превратится в итог и исток, в бесконечный вокзал,
На который надышит слежавшийся к вечеру иней:
Опоздали стихи. Опоздали. И ты опоздал.
Это выстрел судьбы, это выстрел, оставшийся в прошлом,
Чтоб догнать и убить тебя здесь, на руках у зимы.
Это самая крайняя, самая злая оплошность.
Это голос из тьмы, это плачущий голос из тьмы.
Это чувство вины. Это смотришь кругом обалдело,
А вокруг – это жизнь, это ночь, это ты и толпа,
Это небо вокруг, это звезды, и нет им предела.
Это люди вокруг. Все чужие и нет им числа.
А на рельсах – слова. Их читатель не совесть, а поезд.
А на рельсах – слова, лабиринт кровеносных систем.
Пара строчек зимы. И под ними – знакомая подпись.
Пара строчек зимы, не прочитанных больше никем.

«Тебе хотелось жить. Но жизнь сжимала жгут...»

Тебе хотелось жить. Но жизнь сжимала жгут
На горле у любви, выдавливая хрип.
Разложена постель. Но: время, деньги, труд.
И вечный недосуг, и вечный недосып.
Тебе хотелось жить. Но не хватало жил,
Они рвались на раз и шли для новых струн.
Ты пел и обнажал, ты пил и ворожил,
А мир кричал «ура» с заштопанных трибун.
Тебе хотелось жить. Спины сухая жердь
Ломалась от стихов, сгибалась от мехов.
Ты так хотел сбежать, но пахла твоя смерть
Не небом от руки, а терпкостью духов.
Тебе хотелось жить. Тебя бросало в жар,
Ты бился в духоте однообразных дат,
Все ставил на потом, все превращал в базар.
Тебе хотелось жить, но приходилось ждать.
Тебе хотелось жить. Всего-то: просто жить.
Любить ее лицо, смешить ее печаль,
Идти своим путем по правде и по лжи.
Тебе хотелось жить.
Как жаль.

«Родная, наши дни – свыкание с зимою...»

Родная, наши дни – свыкание с зимою,
Седа́я благодать осенней чепухи,
Лирическая блажь в которой я не стою
Венчания на жизнь и долгих панихид.
Хотя ты хороша в кленовом камуфляже,
Когда твой томный взгляд сползает на прицел,
Когда любой твой вздох становится бумажным.
Любовь, она, по сути, – внеплановый расстрел.
Смотри всегда вперед, и помни – мир оболган,
Стань пулей сентября, и будь такою впредь,
Стреляй всегда в упор, не целься слишком долго,
Я не умею ждать, я не люблю терпеть.
Ведь и последний дождь – достойная награда.
Не закрывай мне глаз, прикусывай губу,
Я знать хочу в лицо какой бывает правда
И, видя палача, любить свою судьбу.
Мне хватит полутьмы и хватит полусвета,
Стреляй словами в лоб, стреляй быстрее, ну!
Но я в который раз изобретал поэта,
Пока наш шумный век изобретал войну.

«Настанет время для потери...»

Настанет время для потери,
Целуй, целуй, срывайся в бег,
Настанет час тоски и веры —
Узнать, как хрупок человек.
Как он восходен, как проходит,
Как слаб от слов, как наг от нег.
Запоминай. По снам, по коде
Мелодий сердца, дрожи век.
Люби-жалей, пока не поздно.
В осенней жухлости аллеи
Его покой, его нервозность
Люби-жалей, люби-жалей.
Пока не станет долгим светом
Его сквозной, спешащий век.
Люби-жалей. Не злись, не сетуй,
Смотри: не вечен человек.
Пока он здесь и неотъемлем
От дней твоих, твоей войны,
Пока не упадет на землю
Он у простреленной стены.

«Попробуй жить наощупь...»

Попробуй жить наощупь,
Интуитивно слышать
Как дождь вбивает в землю
Симфонию небес.
И по осенним рощам
Стопами полустигий
Ступай, как по экземе,
Лечи их всем, что есть.
Словами, снами, силой,
Желанием свободы,
Тревогой и капризом,
Лечи, бинтуй собой
Все то, что изнашивается:
Траву, сердца, народы,
Всю листопадность жизни
Конечной, стиховой.
Чтобы сложив аккорды,
Чтобы забыв этюды,
К последнему антракту
Сбежав по буквам нот,
Поверить, что post mortem,
Хоть что-нибудь, но будет,
Продолжится хоть как-то,
Хоть кто-нибудь, но ждет.

«А если мне не хватит света...»

А если мне не хватит света,
И этой скорости – под сто
Ударов пульса по браслету,
А если я скажу «постой,
Остановись, мгновенье, время,
Дай замолчать, дай тишины»?
А если мне не хватит темы,
Договорить в ладони сны?
Тому, кто выбрал фарс и офис,
Кто жил, как жил, от «аз» до «ять»,
Кто мылил будностью гипофиз,
Тому вовеки не понять
Всех тех немых невозвращенцев,
Живущих от «пусти» к «прости»,
Всех тех, кто вырвал свое сердце
И освещает им пути.
А если мне не хватит бега,
И этой силы изнутри —
Из грязи мастерить ковчеги,
Из морга слов – монастыри.
А если станет слишком мало
Мне вкуса воздуха во рту,
До двух шагов сожмутся дали,
И я когда-нибудь совру
В стихи, сведя их к дешевизне,
В невзрачный ноль, в паршивый ритм?
Но если мне не хватит жизни...
Тогда пускай

сгорает

Рим.

«То ли глобус разбился на зло и добро...»

То ли глобус разбился на зло и добро,
Выжимая березовый сок
Из артерий рассудка в пустое ведро
Раскрасневшихся девичьих щек.
То ли время застыло за миг до беды,
Отшатнулось, упало на пол
И заплакало льном, то ли мысли худы,
То ли лясы точить, то ли кол.
То ли все потерять, чтобы быть в новизне,
То ли сметь, то ли выпросить смерть,
То ли ребус во мне, то ли вирус во мне,
То ли вешаться, то ли лететь.
То ли просто не я – на твоих золотых,
Разбазаривших сутки часах,
Отражаюсь сейчас, то ли все таки ты
Превращаешь замашки в замах.
То ли этой свободы не хватит на всех,
Этой песенной жизни моей,
То ли наша трава пробивается вверх
Через всю монотонность камней.
То ли много бойниц, то ли мало божниц,
То ли пес здесь прошел, то ли спас,
То ли мир, то ли мор, то ли пара страниц...

Это все, что осталось от нас.

«Столько звуков вокруг, но царит тишина...»

Столько звуков вокруг, но царит тишина
В моих штопанных дымом губах.
Ты сегодня скучна и особо нужна.
Ты уходишь. Прощание. Шах.
Мне остаться опять в этой тусклости лиц,
В этих слаженных до-ре-ми-си,
В этом гомоне птиц, в этом счете границ,
В этой осени, в осях осин.
Тишина, тишина, только до-ре-ми-ля
Наших песен бежит по молве.
Я теряю себя, я теряю себя
В этой теплой и мертвой листве.
Мир растет посекундно, мир строит дома,
Мир становится прочен и зрим,
Люди сходят с ума, люди сходят с ума,
Достигая последней из зим.
Мир становится пуст, ты же видишь сама
Эту новую форму блокад:
Люди сходят с ума, люди сходят с ума,
Но друг другу в глаза не глядят.
Я останусь один. Это просто. Весьма.
Почти целым. Почти что живя.
Люди сходят с ума, люди сходят с ума
И один из них, кажется...
Я.

«Говорят, он жил здесь, вблизи, где-то вниз по улице...»

Говорят, он жил здесь, вблизи, где-то вниз по улице,
Вечерами выгуливал в парке свою тоску,
И считал, что глаза людей так легко рифмуются
С белоснежным небом, приставленным дулом к виску.
Он заваривал чай из звезд и ругал повседневщину,
Рисовал в траве портрет из своих следов,
Говорят, он любил горожанку, простую женщину,
И вписал ее в вечность посредством обычных слов.
Говорят, он отрезал боль и отнес на мусорку,
И вся жизнь была, как бег, как пожар, цейтнот.
Говорят, что он слышал мир, как мы слышим музыку,
Говорят, он видел в людях систему нот.
Говорят, что его душа оставалась голая,
Но плясала так, что скрипели сухие лбы.
Говорят, он писал стихи на ладони города,
На асфальте дней, под ногами людской толпы.
А потом исчез. И остались лишь эти рассказы,
Этот пропуск дат, эти сказки на новый лад.
Говорят, его видели где-то в начале осени,
Говорят, он смеялся, когда уходил навсегда.

«Я свыкся с пустотой, я свыкся с криком...»

Я свыкся с пустотой, я свыкся с криком,
С продажностью и пошлостью людей,
С идеей, что давно стоит артикул
На каждом из вбиваемых гвоздей.
Я свыкся с миром. Свыкся и сроднился
Со всей его огромной простотой,
Со всем его красивым эгоизмом,
Со всем, что между мною и тобой.
Я стал травой,
Я вжился в гроб и в город,
Реальность изучил на слух и вкус,
Стихами расцарапал лоб и горло,
По следу твоему пуская пульс.
Сквозь старость слов,
Сквозь страсть и малолетство,
Сквозь вены дней и сквозь секунд венки,
Я век за веком всматриваюсь сердцем
В классический пейзаж твоей руки.
Я век за веком слушаю тревожно
Симфонию рожденья и войны,
Симфонию о будущем и прошлом,
Где ты – восьмая нота тишины.
Ты так нужна, до жадности и жажды,
Ты так нужна, в начале и в конце.

И знаешь, мне почти уже не важно,
В твой фокус я попал или прицел.

«Девочка Герда, ты знаешь, я часто писал...»

Девочка Герда, ты знаешь, я часто писал,
Складывал слово из льдинок. Но это не вечность.
Это грядущей зимы растворенный крахмал
В лицах людей. Это ветер. Сто двадцать по встречной.
Это закон хрусталя – быть прозрачным до дна.
Это закон пустоты – не отбрасывать тени.
Это взросление сердца, его белизна.
Это умение встать после многих падений.
Девочка Герда, я просто влюблен в этот снег,
Он – панацея от жара в груди, понимаешь?
В ритме работы, рутины, врагов и коллег,
Он, изменяющий мир, обещание мая.
Он – апогей перемен через вещность идей,
Он – откровение неба, дословие, гнозис.
Падает снег. С каждым мигом дышать холодней.
Он – то, что было до нас. И останется после.
Впрочем, не важно. Симфонии зим не для тех,
Жадно хранящих очаг после окрика «поздно».
Девочка Герда, живи. Дольше всех, лучше всех.
Девочка Герда, живи. Вспоминай. Не замерзни

«Через бордель и кладбище...»

Через бордель и кладбище,
Смятое долгой тяжестью,
Тело твое уставшее
Падает в снег бумажности.
В эти блокноты, записи,
В эту метель поэзии,
Где ты однажды заперся
От подлецов и бездарей,
Где из всего обжитого
Слов и условий общества:
Горечь лица убитого
Над буреломом творчества.
Шей из душевных лоскутов
С веком своим свидание.
Господи, мир наш – госпиталь,
Раны бинтует ранние.
Шей вдоль по шее строками,
Туже петлю затягивай.
Тень над тобой. Но рока ли?
Или руки протянутой?
Всматривайся до окрика
В эту тайгу страничную,
Где твоя муза – облаком,
Прямо над безразличием.
В эти чертоги праздного,
В ломанность губ впадавшие,
В эту соборность разума,
Через бордель и кладбище.

«Ну что ты, брат мой, загрустил...»

Ну что ты, брат мой, загрустил?
Стихи, стихи... Они не стоят
Заросших памятью могил
И нервов, вышедших из строя.
Твоих травмированных рук,
Творящих небо на бумаге.
Они не стоят даже букв,
Они не стоят даже знака.
Ты лечишь душу тишиной,
Но в гамаке утрат и споров,
Уже седой, уже больной,
Ты все же слышишь в себе море.
И грудь твоя тесна, узка,
Ты лаской лечишь горб бессонниц,
Но та же мертвая тоска
На лицах всех твоих любовниц.
А женщина – почти покой,
Она тебя, конечно, лечит
И гладит сломленной рукой
Твои изломанные плечи.
Но только ты уже не рад.
Стихи, как прежде, просят перьев.
Давай напьемся, что ли, брат?
Напьемся жизни перед смертью.

«Это даже не грусть, это даже не горе...»

Это даже не грусть, это даже не горе,
Это жесткий вопрос в сухожилиях дней,
Это твой преискурант у судьбы-сутенера,
Это ты в лабиринте людей и идей.
В этом поиске цели – налет недоболи,
Исступленность лица, недосып, недосуг,
В этом поиске смысла уже не до голи
Полупьяных страстей. Не до рук, не до сук.
Пролетай, пролетай по отчизне и жизни
И ищи, и ищи себя в стопках домов,
В этом поиске слов, в этом поиске смысла,
Оправдания разума в скобках голов.
Потеряешь рассвет, потеряешь утробность
Материнского неба над выкриком «пли».
Падай.
В поры опор, в благоглупость и пропасть,
В растревоженность губ безымянной любви.
Здесь взросление духа похоже на бойню,
Здесь рождение – смятый в пеленках билет
В апогей суеты между мной и тобою,
В эти поиски смысла,
Которого нет.

«До встречи, брат. Ее не долго ждать...»

До встречи, брат. Ее не долго ждать,
Когда стихи уже легли на шею.
Встряхни рюкзак, заправь за ухо прядь.
Я бы отпел, но ты и сам умеешь.
Вот твой вокзал. Он слово, он перо
В заплечной схеме звездного покрова.
И поезд ждет. Смотри, как он багров
От человечьей, смертной нашей крови.
Ты обернись, мы жили прямо здесь,
В любую хмарь орали под гитару.
И было строк – вовек не перечесть.
И был нам срок – до крайнего удара.
До встречи, брат. Замолви пару слов
И за меня. Скажи, что пел, как слышал.
Что не ходил поверх чужих голов,
Был рад всему. Ел хлеб, растил сынишку.
Что целовался жадно, сгоряча,
Ценил друзей, любил свою девчонку,
А под конец зачем-то одичал
И вместо славы выбрал отчужденность.
До встречи, брат. До новых мостовых.
До скорых вех, до будущих бессилий.
Но ты спроси там у своих святых,
Спроси у них за что тебя убили.

«Поэзия – это лестница...»

Поэзия – это лестница
К познанию мира нового.
Смотри: жизнь скулит и крестится,
Смотри: смерть склоняет голову
Над чьим-то прожитым временем,
Над чьим-то лицом измученным.
В поэзии все – от севера,
В поэзии все – озвучено:
Расстрел на задворках памяти,
Боль загнанная, височная,
Любовь в восковом орнаменте,
И даже твое одиночество.
А дальше – лишь глубже, в пропасти.
Себя – наизнанку, в окрики,
До скрипа оси и совести,
До новых страниц риторики.
Но так – чтобы видеть пальцами
И слышать осипшим голосом,
Чтоб с душ отбивались панцири,
И души росли до космоса.
Чтоб стать в истерии песенной
Анафеме вдруг анафорой.
Болят? И уже не весело?
Но мы же с тобой – соавторы.
Устанешь – пустой, покинутый,
Раздай свои дни – всем поровну,
И как между нами принято —
Выстрели себе в голову.

«Мне кажется, Вы станете старухой...»

Мне кажется, Вы станете старухой
И будете вязать для неба свитер,
И часто спать, и мерить взглядом сухо
Свой город из артрита и гранита.
Мне кажется, Вы станете циничней
И выключите врущий телевизор,
А на балконе разобьете птичник,
Как средство от тоски и ревматизма.
Мне кажется, Вы будете петь внукам,
Качая в люльке веру в продолженье,
И шить для них красивых ярких кукол,
Но как бы в долг, слегка, из одолженья.
Мне кажется, Вы спрячетесь за книги,
Чтобы молчать о времени ворчливо,
И в трении финансов и религий
Смотреть назад, где все до боли живо.
И вспоминать себя – смешной девчонкой,
Родителей, друзей уже ушедших,
Дни боли, застелившие мир черным,
Дни счастья – почему их было меньше?
Мне кажется, Вы станете музеем
Огромной жизни, взвешенной часами.
Но все же... Это, видимо, важнее:
Мне кажется, что я останусь с Вами.

«Мир становится черным, мир оболган – и черт с ним...»

Мир становится черным, мир оболган – и черт с ним,
Мир... Да что там, он старше всех нас.
Скоро будет зима, скоро свет станет черствым,
Скоро даже погода предаст.
Не болей, не белей от опавшего снега,
И считая минуты до ста,
От ночлега и неги беги до ковчега,
Ставь сугробие вместо креста.
Ну а если прижмет – выплюнь горечь в бумагу,
Вплачь в нее и погибших ребят,
И прозрачность вранья, и удушливость тягот,
Пусть слова поболят за тебя.
Лишь сама не ослепни, от рая икая,
Даже рай в этом мире чреват:
Спекуляция сказкой про счастье без края
Превращается в плюшевый ад.
Скоро будет зима, скоро выюга залечит
Эти крылья на рваных плечах.
Мир становится вечным, мир смеркается в вечер.
Вот и все. Мне пора. Не скучай.

«Вот так и останусь – по белому...»

Вот так и останусь – по белому
Печатным, безличным почерком.
Я, кажется, что-то делаю,
Да только все мимо. Отче мой,
Седая химера словесности
Склонила до срока к праздному,
К пустому, досу же-местному
Стишку за промокшей пазухой.
И все, что потом запомнится —
Не песня, а в горле влага.
Свободней остаться в бездомности
И жизнь собирать на бумагу.
Мудрее расшить тем бисером
Совсем обליнявшие стены.
Светлее допеть до истины
И молча покинуть сцену.
И в путь. До ума, до бледности,
Да поступью прямо к осыпи,
До светлого праздника бедности,
В кружении новой осени.
В конце ты поймешь по крестикам,
На сотню, смотри, гектаров:
Когда умирают ровесники —
Наверное, это старость.

«Пой, милый, пой. С тобою Бог...»

Пой, милый, пой. С тобою Бог.
Беги босым по нотным стружьям,
И не жалея ни слов, ни ног,
Ни свою душу прописную.
Я сам по ним ходил не раз
И счастлив был дышать на строки.
Да разбазарил все за час,
Сгорел дотла, сгорел до срока.
Теперь я тих. Теперь со мной
Все бесы. Я им брат по крови.
Стихи разбавлены водой
Пустопорожних послесловий.
И пустота во всех руках,
Снимающих с меня рубашку,
И ночь, как выстрел, коротка,
И, как плита могилы, тяжка.
Теряюсь в липкой жиже глаз,
Таких спокойных, равнодушных.
Здесь каждый – купит и продаст.
На завтрак – чай. Поэт – на ужин.
И Бог не сильно бережет,
И время безразлично душит.
Здесь так темно, здесь так черно
И я здесь никому не нужен.

«Приложил ей голову к груди...»

Приложил ей голову к груди.

– Что ты слышишь?

– Кажется, там море.
Море там. Бесчинствует, гудит.
И деревня там. Скрипят заборы.
А еще трава. Она поет
Небу, зацелованному ветром.
Там дорога стелет поворот
К церкви предрассветной, староверной.
Птицы. Слышу птиц и их ни счесть,
Бьют крылом по заспанному полю.
И летит в народ благая весть
Детским смехом, а не зрелой болью.
Голос твоей матери звучит,
Хмыканью...
Отца ли? Деда?
Вторит.
И стихов моих струится ритм,
Только он один, я слышу, горек.

Рассмеялась – так журчит родник,
Фыркнула, но почему-то грустно,
Приложила голову к груди.

– Что ты слышишь?

– Ничего. Там пусто.

«Я не люблю писать стихи...»

Я не люблю писать стихи.
Неблагодарное занятие,
Бездомный крик в стране глухих,
Где среди смеха так нескладен я.
Они до слов разъели грудь,
Они всю жизнь мою изранили,
Они к душе проказой льнут.
А я писал руками рваными,
Не размышляя над ценой,
Но оплатив сполна сединами.
И Бог склонился надо мной,
И целовал, и плакал зимами.
И снег из глаз Его летел,
Я в нем терялся, как на паперти,
И засыпал, до мела бел,
На этой стылой вьюжной скатерти.
Я все шептал Ему про свет
Губами бледными, разбитыми.
Свет гас в ободранной листве
И осыпался в строки ритмами.
Но даже боль – лишь тень любви,
Добро всегда стоит за душами.
Я не люблю писать стихи.
Но Он их слушает.
Он слушает.

«Ветер такой холодный, вечер упал под ноги...»

Ветер такой холодный, вечер упал под ноги.
Я обнимаю город – он подарил мне счастье.
Этого мне хватило, этого было много.
Только прошло внезапно. Кончилось в одночасье.
Руки твои застыли, тонкие, злые руки,
Где-то в другой вселенной, где-то с другим мужчиной.
Ветер со мной остался. Город – звенящий, хрупкий.
Вечер ко мне прижался, сердце сдавил в морщины.
Жизнь распахнула тело – на тебе, мальчик, боли,
Чтобы надрывней пелось, чтобы леталось выше.
Милая, милая, верю, внемлю твоим гастролям
На заповедной сцене душ всех таких мальчишек.
Твой, не скрипи снегами, не заползай на грудь мне.
Жизнь, я люблю твой запах. Я его сделал словом.
Хватит. Ты слышишь? Хватит этих смешных прелюдий.
Я уже все запомнил. Я уже весь срифмован.
Ветер. Молчит мой город. Я улыбаюсь в окна.
Вечер. Мне мало места. Мало мне – небосвода.
Тесно мне в этом мире – радостном, благотворном.
Я разрезаю кожу. Я становлюсь свободным.

«Он пишет о разбавленном вине...»

Он пишет о разбавленном вине,
Разлитом в человеческие души,
О том, что неоправданно трудней
Дышать, когда внутри лишь стаж да стужа.
О том, что и ему бывает жаль,
Когда увозят сердце в неотложке.
Про улицы и сморщенный асфальт,
Где спотыкаются об лужи даже кошки.
О счастье всем. Но и о боли всей.
О пьяных драках и о верной дружбе.
О людях пишет. Любит он людей,
Даже тогда, когда любить не нужно.
Он пишет, поднимает мутный ил
Со дна стихов. Он весь уже списался.
О женщине, которую любил,
О женщинах, в которых ошибался.
Он пишет, не разгаданный никем,
Он с каждым словом – на ступеньку выше.
Он пишет о себе, о старике,
Но из груди его поет мальчишка.
Вот потому под каждую строкой
Ворчливо размышляющей о вечном —
Веселый свист, веселый и живой,
И ранняя простая человечность.
А время за окном бежит, кружит,
Целует в лоб и волосы колышет.
Проходит день. Проходит свет и жизнь.
А он все пишет, пишет, пишет, пишет...

«Я спросил у нее: Где граница зимы? Расскажи мне...»

Я спросил у нее: Где граница зимы? Расскажи мне,
Расскажи, покажи тот момент, где рождается снег.
Где метель обнажает родную страну до чужбины,
Где течет горький иней из чьих-то сиреневых век.

Посмотрела печально и мимо, укутала плечи:
Там, где птицы молчат. Там, где больше не слышен их крик,
Где назначена многим из нас нелюбовь и невстреча,
Где баюкает мертвое сердце угрюмый старик.
Где стеклянное небо скрипит и вот-вот разобьется,
Где бездомные, Богом забытые, гибнут на вес,
Десять там, двадцать здесь... А за ними бредут стихотворцы,
Собирая еду для голодных поэмок и пьес.
Там, где руки, холодные руки блуждают по коже,
А она их не греет, она замерзает от ласк.
Где горящая спичка всех слов твоих станет дороже,
Там, где мало, так мало тепла остается от нас.
Там, где все что-то ждут, и уютятся в простылой юдоли,
Где на сотни замков запирается каждая дверь,
Там, где птицы молчат, там, где птицы, ты слышишь, умолкли,
Там, где птицы молчат, там и ты остаешься теперь.

«Ты помнишь пушистое белое время...»

Ты помнишь пушистое белое время,
Твой певческий мир был пока что не создан,
Ты ранней душою тянулся за всеми,
Ты помнишь, как мама баюкала звезды?
Потом оклемался, споткнулся, разжился,
Грустил виртуозно, до хрипа под сердцем,
Пил жадно интриги и ложь закулисы
Огромного мира в малюсеньком тельце.
Ты женщине клялся, что будешь с ней рядом,
Потом превращал ее в слово, в синоним
Забывтой на столике яркой помады.
Она тебе верила. Верила, помнишь?
Но что-то болело в груди. По живому
Шли танки сомнений и мяли рассудок,
Ты мир целовал, но нащупывал кому
Бессмысленных ссор и разбитой посуды.
И было так тошно, и мир стал приземист,
Все чаще ты молча шептал себе «поздно».
Ты помнишь пушистое белое время,
Ты помнишь, как мама баюкала звезды?

«Там иконы стоят. Там иконы и дряхлые руки...»

Там иконы стоят. Там иконы и дряхлые руки,
Что стирают с окладов почти невесомую пыль.
Там читает неслышно молитвы седая старуха.
За меня те молитвы. За жизнь мою, опыт и пыл.
Там трава по плечо. Там не слышно ни лязга, ни крика,
Там мое хулиганское детство до речки бежит,
Чтобы в воду смотреть, чтобы с птицами петь и чирикать,
Чтобы яблоки рвать в ожидании будущих битв.
Там до солнца – рукой. Там деревья похожи на мачты —
Был моим кораблем молчаливый, разросшийся вяз.
Там стрекозы летят тонкой веточкой в крыльях прозрачных,
И дворняга знакомая ловит их сонностью глаз.
И там нет, представляешь, там нет тебя, нет твоих споров,
Нет жестоко изогнутых губ, нет делений в ролях,
Нет на сердце зимы, этих стылей бескровных, узорных,
Но я счастлив. Я все же там счастлив в забытых краях.
Там иконы стоят. Мягкий свет между ними лучится,
Образуя какой-то замедленный, долгий покой.
А с икон смотрят в душу простые и добрые лица,
И мне снится, что эти иконы написаны мной.

«В твоей голове абиссаль. Падение было долгим...»

В твоей голове абиссаль. Падение было долгим.
Давление, шум в ушах и острых идей осколочность,
Кружение всех стихий – намеки, слова, предлоги.
А я все хотел туда, где тихо, светло и солнечно.
В твоих рукавах сады заснеженной гиблой кожи,
Жестокие когти ласк следы оставляют рваные,
И каждый замах любви безжалостен и безбожен,
А я так хотел туда, где жизнь не считают ранами.
В квартире твоей тюрьма, забиты давно все окна,
Голодный горячий рот впотьмах беспросветных мечется,
И все в твоём доме – пыль, и все в твоём доме блёкло,
А я так хотел туда, где в небо уходят лестницы.
Ты тянешь меня к себе, навывлет в лицо целуешь,
Ревнуешь ко всем, как черт, и бьешь точно в цель, без промаха.
А я все стремлюсь уйти, ни ног, ни души не чую.
В твоей голове абиссаль. Но мне не хватает воздуха.

«Что там завтра? Заснеженный мир поцелует в улыбку...»

Что там завтра? Заснеженный мир поцелует в улыбку,
И пойдешь по нему разбазаривать жизнь и судьбу,
По могилам сугробов, по родине злой и великой,
По зерну вековому просыпанных в прошлое букв.
Ты полюбишь кого-то. И кто-то тебе не ответит.
Ты сопьешься от боли, но чтобы воскреснуть к утру.
А потом ты поймешь, что стоишь на огромной планете,
Где так много заплаканных глаз и разомкнутых рук.
Пожалеешь людей и начнешь их любить по-иному:
Молча. Глядя в сердца. Глядя слабую птицу души.
Разбивая стихами и криком застывшую кому —
Одиночество женщин, усталость молчащих мужчин.
Ты пройдешь сто дорог, и все станет до пошлости книжным,
Проживешь эту зиму, мечтая проснуться весной.
Что там завтра? Да как и всегда. Обновление жизни.
Это все, что когда-либо было и будет с тобой.

«Не пощадит нас время. Будет час...»

Не пощадит нас время. Будет час
Сойти с земли на тихий полустанок,
Где встретит ключник, хмур и седовлас,
И души ждущих, любящих предстанут.
Не пощадит нас время. Но пока
Идут мужчины сонно на работу,
Им эта жизнь проста и велика,
В них все поет, от детства и до пота.
И женщин здесь, смотри, не сосчитать,
Они несут свои большие души
Тропой любви, и поступь их легка,
И каждый взгляд – доверчив и воздушен.
Мы все живем в обычных мелочах,
Мы знаем мир по маленьким деталям:
Письмо друзьям, у кассы толчея,
То, что терпели, то, о чем мечтали,
И пара книжек в письменном столе,
И на лице морщинок первых складки,
И близким вслед: «Живи! Живи сто лет!»
И поцелуй до дна, до жара сладкий.
Не пощадит нас время. Никого.
Но посмотри: у речки, за оградой
Босой мальчишка, глупый и живой.
А значит надо жить. Ты слышишь? Надо.

«Девочка... Слабая, тонкая, тихая...»

Девочка... Слабая, тонкая, тихая.
Кардиограмма – неровный пунктир.
И тишина. Зафиксируйте. Вскрытие.
В это мгновение рушится мир.
Мальчик на крыше. Влюбленный. Под прядами
Бледные щеки, как мел, как кефир.
Он улыбается. Медленно падает.
В это мгновение рушится мир.
Женщина грустная. Что же ты, милая?
Сердце свое излюбила до дыр.
Время прошло. Откачать не смогли ее.
В это мгновение рушится мир.
Дедушка, стойте. Куда Вы? Уходите?
Жизнь на копейки, болезни и спирт.
Незачем жить. Гулко тикают ходики.
В это мгновение рушится мир.
В каждой квартире по драме. Все улицы
В этих квартирах, как в буквах листок.
В это мгновение рушится, рушится...
Только об этом не знает никто.

«Ну что, малыш? Мы живы, мы сильны...»

Ну что, малыш? Мы живы, мы сильны,
И даже есть над чем еще смеяться
На сцене дней, в присутствии войны,
Под стук судьбы промеж житейских станций.
Не верь глазам, я вовсе не устал,
А то, что вверх смотрю, так это придурь,
И все слова... А что слова? Листва,
Ее покров по прошлому раскидан.
Ну что, малыш? Есть в жизни свет один,
И этот свет не даст нам отсидеться.
Ты прогрызаешь ход в моей груди,
Чтобы потом согреться где-то в сердце.
А мне не больно. Мне уже плевать,
Сижу и пляюсь в сжеванное небо,
Не жду добра и не ищу привал,
И не считаю стоимость ущерба.
Ну что, малыш? Смотри на грязь плевков,
И верь в любовь, идя вперед вдоль тюрем.
Вот наша жизнь. В ней тошно и легко.
Бензином пахнет. Что ж... Давай закурим.

«Эти дни не забыть, эти дни наших встреч...»

Эти дни не забыть, эти дни наших встреч,
Когда ты была песней, звучащей на солнце,
Когда всей красоты – не испить, не изречь,
Когда все по плечу, когда все удается.
Эти дни не прожить просто так, без чудес,
Эти светлые дни понимания жизни,
Эту радужность лиц, эту красочность мест,
Этих звезд бесконечных тоску и неподвижность.
Эти дни не пройдут, они будут в тебе,
Когда ты, улыбаясь, пойдешь со мной рядом
В те края, где весь мир первоизданен и бел,
В те края, что даются живым, как награда
За борьбу и за пыл, за любовь и за смех,
За способность протягивать ближнему руку,
За умение петь не себе, а для всех,
И за силы сказать всем «прости» и «спасибо».
Эти дни наших встреч, эти дни наших слов,
Эти дни нам даны, чтобы в душу всмотреться.
Эти дни пробегают неслышно, легко,
Но какие следы оставляют на сердце.

«Там туманы – по пояс, молочные...»

Там туманы – по пояс, молочные,
Там трава пахнет скошенной жизнью.
Там все строки кончаются точками,
И не брат, а весь мир тебе – ближний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.